

вича, заявляющего, что поводом к составлению исследования об осаде и взятии Византии турками была для него мысль, будто бы «Византия доселе остается загадкой во всемирной истории». Отметив, что «до сих пор никто этого не предполагал», Н. Г. Чернышевский доказывает несостоятельность этого претенциозного и бьющего на внешний эффект заявления¹. Весьма иронически относится Чернышевский и к заявлениям Стасюлевича о якобы полученных им «совершенно новых результатах» в изучении византийской истории, где до появления его сочинения, как уверял сам автор, все понималось «превратно». «Итак, г. Стасюлевич, — пишет Чернышевский, — хочет быть Шампольйоном, Нибуром византийской истории. Роль очень завидная, но для выполнения ее нужно много условий, из которых первое — основательное изучение предмета, без чего нельзя избегать промахов. Мы считаем нужным взглянуть на эту сторону труда его прежде, нежели займемся рассмотрением «совершенно новых результатов», до которых дошел исследователь византийской истории. Взглянем на пособия, при которых воздвигается новое здание: это уже дает нам возможность предугадывать его прочность»². И далее Чернышевский подвергает критическому разбору методические приемы Стасюлевича. Он уличает его в неумении пользоваться статистическими данными, в совершенно неправильных цифровых подсчетах, в путанице, происшедшей от использования английского труда во французском переводе, в элементарном незнании византийских древностей и т. д. Так, Чернышевский отмечает совершенно неправильные, явно преувеличенные представления Стасюлевича о турецком флоте, в составе которого тот находил фрегаты и даже линейные корабли. Эти «линейные корабли и фрегаты, — пишет Чернышевский, — были в сущности небольшие галеры, а остальные суда — просто лодки». Выступая против ложного толкования Стасюлевичем вопроса о причинах продолжительности осады Константинополя, Чернышевский подчеркивает, что «турки не умели осаждать крепости не только тогда, но и теперь. А тогда, кроме того, они не умели даже стрелять из пушек».

Особенно резко упрекает Чернышевский Стасюлевича за произвольное и некритическое пользование первоисточниками. «Мы не считаем нужным доказывать, — пишет он, — что, не обращая внимания на хронологическую последовательность событий и правдоподобие «совершенно новых результатов», до которых доводит произвол, г. Стасюлевич также мало обращает внимания и на критическую оценку тех известий, которые кажутся ему ведущими к желаемому результату. Он произвольно берет из византийских летописей все, что ему нравится, произвольно отбрасывает все факты и объяснения, противоречащие его заранее составленному взгляду. Поступая подобным образом, можно доказывать все, что угодно...»³ Н. Г. Чернышевский справедливо полагает также, что нужно было расширить круг привлекаемых источников, а также обратить внимание на разработку затронутых в книге вопросов в новейшей историографии: «Скажем, однако, что если для истории осажденных главнейшим источником должны служить византийцы, то для истории осаждающего войска не бесполезно было бы пользоваться известиями турецких летописцев, сообщенными у разных новейших историков. Быть может, также не бесполезно было бы обратиться более внимания не только на изложение фактов (это делает г. Стасюлевич), но и на соображения новейших историков — тогда против-

¹ Возможно, что Чернышевский, критикуя Стасюлевича, имеет в виду также и академика А. А. Куника, который в «Ученых записках Академии наук» опубликовал в 1853 г. доклад: «Почему Византия доньше остается загадкой во всеобщей истории».

² Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II, стр. 601.

³ Там же, стр. 605—606.